

Жерлицына Наталья Александровна

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института Африки РАН, доцент
Российского университета дружбы народов

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФРАНЦУЗСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СТРАНАХ МАГРИБА В XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВВ.

Аннотация:

Статья посвящена истории формирования колониальной доктрины во Франции в XIX – первой половине XX вв. Франция, одна из крупнейших колониальных империй мира, основывала свою идеологию в данной сфере на универсалистских эгалитарных ценностях революции 1789 г. Именно страны Магриба – Алжир и Тунис – стали испытательными площадками для двух последовательно сменявших друг друга идеологических доктрин – ассимиляции и ассоциации. В статье исследуются причины, по которым французам не удалось осуществить практически принципы ассимиляции в Алжире. Нетерпимость и пренебрежение к другим культурам, заложенные в данной теории, имели катастрофические, необратимые последствия для алжирского общества, запятнали репутацию теории и обрекли ее на гибель. К началу Первой мировой войны ассоциация стала провозглашенной доктриной французской туземной политики вместо ассимиляции. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что долгосрочные последствия французской колониальной политики остаются источником социальной, культурной и политической напряженности между Францией и ее бывшими колониями. Новизна статьи заключается в анализе последних зарубежных исследовательских работ.

Ключевые слова:

колониализм, французская колониальная империя, колониальная доктрина, Алжирская колония, Тунисский протекторат, ассимиляция, ассоциация, статус коренного населения.

Zherlitsyna Natalya Aleksandrovna

PhD in History, Leading Research Fellow,
Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences,
Associate Professor,
Peoples' Friendship University

IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF FRENCH COLONIAL POLICY IN THE MAGHREB COUNTRIES IN THE XIX – FIRST HALF OF THE XX CENTURIES

Summary:

The paper discusses the history of the colonial doctrine formation in France in the XIX – first half of the XX centuries. France, one of the largest colonial empires in the world, based its ideology in this sphere on the universalist egalitarian values of the revolution of 1789. It was the Maghreb countries – Algeria and Tunisia – that became test sites for two successively replaced ideological doctrines – assimilation and association. The paper explores the reasons why the French failed to implement virtually the principles of assimilation in Algeria. Intolerance and disregard for other cultures in this theory had catastrophic, irreversible consequences for Algerian society, tarnished the theory reputation and condemned its demise. By the outbreak of World War I, the association had become a proclaimed doctrine of French native politics instead of assimilation. The relevance of this research is due to the fact that the long-term consequences of French colonial policy remain a source of social, cultural and political tension between France and its former colonies. The novelty of the study is in the analysis of recent foreign research papers.

Keywords:

colonialism, French colonial Empire, colonial doctrine, Algerian colony, Tunisian protectorate, assimilation, association, status of indigenous people.

Вопросы колониальной политики Франции остаются обсуждаемым и вызывающими споры как в бывших французских колониях, так и в самой Франции. В российской историографии они наиболее полно отражены в трудах Н.Н. Дьякова, Н.А. Иванова и Р.Г. Ланды [1].

Формирование второй французской колониальной империи началось с незначительного дипломатического инцидента в Алжирском регентстве в 1827 г. «Удар веером», нанесенный деом Алжира Хусейном оскорбившему его французскому консулу, три года оставался поводом для препирательств двух правительств [2, с. 36]. Главную роль в переходе к военным действиям со стороны Франции сыграло внутреннее положение в королевстве: слабая, нестабильная власть отчаянно пыталась отвлечь внимание общественности от проблем в стране. Экспедиционному корпусу, высадившемуся на алжирских берегах в июне 1830 г., было поручено восстановить французское присутствие в регентстве и обеспечить торговые интересы Франции вдоль побережья Северной Африки. Политические потрясения в Париже, однако, позволили командованию экспедиции расширить свою миссию и проникнуть вглубь Алжира. К тому времени, когда Париж полностью осознал, что там происходит, он оказался перед свершившимся фактом: Алжир был захвачен. Любое отступление означало бы потерю властью лица.

Французское присутствие в североафриканской стране стало реальностью, для которой нужно было придумать подходящую идеологию. Алжир должен был стать ядром средиземноморского арабского королевства Франции и плацдармом для дальнейшего проникновения в Африку. Разделенный после 1871 г. на три департамента Алжир стал неотъемлемой частью французского государства. Некоторые из действий, предпринятых во время завоевания Алжира, были повторены в других французских колониальных инцидентах пять-шесть десятилетий спустя.

Хотя алжирская экспедиция обычно используется для обозначения даты рождения второй французской колониальной империи, но она не сразу стала заметным фактором во французской политике и общественной жизни. Несмотря на то, что государство и пыталось стимулировать эмиграцию в новую колонию, средний француз оставался холоден к колониальной пропаганде. Те, кто решал эмигрировать, руководствовались в первую очередь экономическими мотивами, хотя их надежды на быстрое процветание редко оправдывались. Значительная часть ранних европейских поселенцев (колонов) Алжира происходили не из Франции, а из множества других средиземноморских общин – итальянской, греческой, испанской [3, с. 29]. Большинство из них получили французское гражданство в 1889 г. по закону, но сохранили свою уникальную идентичность, которая очень отличалась от континентальной французской. Для большинства французских граждан колониальная империя имела очень мало значения в их повседневной жизни. Отсутствие реального общественного интереса к делам Франции «за морями» было одной из наиболее заметных черт французского колониализма на протяжении всего существования Второй Империи (1852–1870) и в первые десятилетия Третьей Республики (1870–1940). Индифферентность французов влияла и на поведение столичных политиков, которые склонны были концентрировать свое внимание на других вопросах, представлявших больший интерес для их избирателей. Скрытое одобрение колониальной экспансии как общественностью, так и ее представителями гарантировалось до тех пор, пока колониальная империя казалась процветающей и дешевой.

Равнодушие французов к делам заморских владений объясняется экономическими факторами. Главным мотивом возникновения европейских мировых колониальных империй были экономические выгоды, связанные с приобретением слаборазвитых рынков. Так, возвышение Великобритании до мирового лидерства во владении колониями было результатом интеграции ее империи в экономическую систему, возникшую в результате промышленной революции. Французский случай гораздо сложнее. В то время, как до Первой мировой войны британские внешние инвестиции в ее колониальную империю достигали 45 %, французские финансовые круги вкладывали менее 10 % внешнего капитала в свои колонии [4, с. 114]. Торговый баланс между метрополией и заморскими колониями был столь же незначительным и касался лишь ограниченной части французской экономики. Только после Первой мировой войны и кардинального изменения ситуации на мировых рынках французское финансовое сообщество «открыло» империю и увеличило свои инвестиции в заморские территории до такой степени, что к концу 1950-х гг. континентальная и колониальная экономические сферы казались многим французам неразделимыми.

На ранних этапах второй колониальной империи Франции не хватало четких ориентиров туземной политики. Понятно, что главным мотивом французской политики в отношении коренных народов была заинтересованность в сохранении внутреннего правопорядка посредством тщательного контроля за всеми делами колоний. Лишь спустя шесть десятилетий после оккупации Алжира, через два десятилетия после возникновения Третьей республики появилась последовательная доктрина, которая стремилась заложить прочную основу для расширяющейся империи. Колониальный Конгресс, состоявшийся в Париже в 1889 г., ознаменовал триумф ассимиляционной концепции. Однако менее чем через два десятилетия ассимиляция была дискредитирована большинством французских теоретиков колониального правления и фактически исчезла из их повестки дня вплоть до ее повторного появления в 1930-х гг. в качестве законной доктрины туземной политики.

Ассимиляцию можно определить как уникальную французскую теорию, которая развилась из национального характера и культуры республиканской Франции и соответствовала им. Она проистекала из духа универсализма, кульминацией которого стала Декларация прав человека, и утверждала, что все человеческие общества обладают общим потенциалом развития и заслуживают того, чтобы ими управляли те же самые возвышенные этические нормы и законы, которые, по мнению французских ассимиляторов, выработала их культура. Руководство Третьей республики основывало свою идеологию на универсалистских эгалитарных ценностях революции 1789 г. Сторонники колониального дела не могли игнорировать проблему распространения этих принципов на коренных жителей империи.

В течение всего XIX в. французский законодатель время от времени предпринимал попытки определить статус коренных народов в составе империи. Наиболее примечательным примером такого рода был недолговечный либеральный режим Второй Республики, который в

1848 г. отменил рабство во владениях Франции в Вест-Индии и предоставил освобожденным рабам французское гражданство [5, с. 193]. Это событие стало первым шагом к практической ассимиляции во французской колониальной политике. Однако она оставалась почти уникальным явлением и не распространялась на другие части империи.

Критическая проверка правильности теории ассимиляции касалась не отдаленных Карибских островов, а краеугольного камня новой империи – Алжира. Репатриированные бывшие рабы из Вест-Индии не имели однородных доколониальных традиций, которые могли бы соперничать с французской культурой, и были вполне удовлетворены улучшением своей личной жизни. Алжир – совсем другое дело. Его исламское наследие было сильным объединяющим фактором в культурном отношении, в то время как этнические и языковые различия затрудняли любые попытки ввести альтернативный набор норм. Эти соображения вряд ли были приняты во внимание ревностными сторонниками ассимиляции, начавшими разрабатывать планы систематического внедрения в Алжире французских политических, судебных и образовательных учреждений после завершения военного завоевания этой страны. Наполеон I временно изменил эту политику в своем стремлении создать арабское королевство [6, с. 51]. Однако вскоре после его отстранения от власти проект ассимиляции Алжира был возобновлен с четким посланием: арабы могут восстать, но они будут поглощены. Туземцу должен быть предоставлен узкий выбор между ассимиляцией и исчезновением. Такие заявления обнажали уродливую сторону ассимиляции, а именно ее нетерпимость и пренебрежение к другим культурам, которые считались низшими и незначительными по сравнению с французской. Поспешное стремление навязать алжирцам ассимиляцию, имевшее катастрофические, необратимые последствия для их жизни, запятнало репутацию этой теории и обрекло ее на гибель.

Еще до того как она стала официальной доктриной туземной политики Франции, практическая и моральная обоснованность ассимиляции подвергались сомнению различными теоретиками колониализма. Критику вызывало утверждение, что различные общества, независимо от их неодинакового уровня развития, могут стать равноправными членами франкоязычной цивилизации. Жесткий централизм, присущий ассимиляции, неизбежно вел к разрушению доколониальных традиций коренных народов и внутренней структуры первобытных обществ. Звучали и другие осуждающие голоса, утверждающие, что «низшие расы» не способны подняться до уровня белых людей. Некоторые из противников ассимиляции также указывали на его опасные последствия для долгосрочных целей французского колониализма. Они утверждали, что распространение новых идей среди колонизированной молодежи, воспитанной в европейском стиле, неизбежно подорвет их уважение к французским хозяевам и заставит их требовать реформ, которых колониальная система не могла допустить. Британские трудности в Индии, вызванные появлением образованной англоязычной местной элиты, часто упоминались как тревожный случай [7, с. 172]. Чтобы избежать такого сценария, было предложено иное предписание, согласно которому при французском порядке должны быть сохранены доколониальные туземные институты.

Разочарование в ассимиляции, таким образом, возникло в основном из-за ее практических результатов, а не этических противоречий. Обе стороны в этом споре разделяли общую веру в превосходство французской культуры и считали колониализм справедливой и прочной системой.

Вместо жесткой универсалистской концепции, которая должна была быть реализована одновременно в Алжире и Сенегале, Реюньоне и Тонкине, сторонники другой теории колониальной политики – ассоциации – хотели создать гибкую основу для туземной политики, специфические черты которой определялись бы местной администрацией любой колонии в соответствии с ее уровнем развития и силой ее туземных институтов. Такая концепция, естественно, была благоприятна для колониальных администраторов, многие из которых были одними из самых ярых ее сторонников.

На формирование теории ассоциации значительное влияние оказали политические события вокруг Туниса. Протекторат, как действенный и полезный дипломатический инструмент, был использован Францией в процессе колониальной экспансии в 1881 г. Тунисский протекторат стал пробным случаем для этого нового подхода. Обеспокоенный перспективами ассимиляции населения Туниса и стремясь предотвратить религиозную войну, глава французской католической миссии в Тунисе кардинал Лавижери утверждал в 1881 г., что «полная аннексия» этой страны была бы политической ошибкой, которую можно было бы избежать с помощью «реального протектората». «Поддерживая появление мусульманского монарха во главе государства», можно было бы избежать вспышки «мусульманского фанатизма» [8, с. 5]. Еще более важным для принятия формулы протектората были антиколониальные настроения, господствовавшие в то время в Париже и особенно сильные в парламенте. Столкнувшись с враждебным отношением населения к новой экспансии в Северной Африке, сторонники захвата были вынуждены замаскировать его под карательную операцию, которая не предполагала аннексии [9, с. 216].

Таким образом, тунисский протекторат возник не столько из нового направления колониальной мысли, сколько как удобная мера для преодоления внутренних трудностей, а также международных препятствий, переходный этап на пути к полной аннексии. Но новый режим в Тунисе вскоре, похоже, преуспел там, где его алжирский предшественник потерпел неудачу в плавном усмирении недовольства коренного населения и установлении действенной системы контроля с минимальными затратами. Этот успех проложил путь к организации таких же режимов в других странах, находившихся под властью Франции, таких как Мадагаскар и Индокитай. На рубеже веков протекторат заменил прямое правление как метод местного управления, осуществляемый Третьей Республикой. Как это часто бывает, теоретическая формулировка последовала за практическим решением. В 1905 г. министр колоний Э. Клемантель выступил инициатором использования слова «ассоциация» при описании французской политики за рубежом [10, с. 136]. Этот термин был быстро принят современниками, которые начали использовать его наряду с термином «протекторат» для описания нового направления французской колониальной мысли.

К началу Первой мировой войны ассоциация стала провозглашенной доктриной французской туземной политики вместо ассимиляции. Это изменение носило скорее символический, чем фактический характер. Оно отражало растущее осознание метрополией сложности колониальных дел. Ассоциация была намеренно определена в очень широких и расплывчатых терминах, чтобы придать ей практическую гибкость. Большинство колониальных чиновников подписались на ассоциацию задолго до того, как она стала популярной в Париже. Ассимиляция в чистом виде никогда не предпринималась в больших масштабах и последовательно.

Однако теория ассимиляции не исчезла полностью. После более чем двух десятилетий, в течение которых она была почти полностью удалена из политической повестки дня, ассимиляция вернулась в 1930 г., когда Франция начала терять уверенность в своей способности сохранить колониальную империю. Этот сдвиг был связан с победой на выборах 1936 г. во Франции Народного фронта, который ненадолго привел к власти Социалистическую партию [11, с. 292]. Традиционно приверженные антиколониальной идеологии социалисты искали формулу, которая могла бы примирить их неприятие жестокого характера колониализма и одновременно предотвратить ослабление национальной безопасности. Эгалитарный, гуманистический посыл, присущий ассимиляции, обеспечил элегантное решение и действенный компромисс между поляризованными позициями двух других членов Народного фронта – коммунистов и радикал-социалистов.

После окончания Второй мировой войны в 1946 г. Франция предприняла единственную искреннюю попытку добиться полной ассимиляции. В статье 80 Конституции 1946 г. говорится, что все граждане заморских территорий имеют такое же гражданство, как и французские граждане метрополии [12, с. 317]. Таким образом, все колонизированные народы получили возможность стать французскими гражданами без ущерба для своего уникального личного статуса. Это решение пришло слишком поздно, чтобы удовлетворить требования самоопределения большинства неевропейских подданных империи. Послевоенная тенденция к сепаратизму и деколонизации лишила Францию всякой перспективы примирения с большинством ее колоний. Отношения с бывшими колониями до сих пор являются для Франции непростыми, колониальное прошлое осложняет построение «неоколониальной империи» как части современной французской экономики.

Ссылки:

1. Дьяков Н.Н. Младоалжирцы и антиколониальная борьба в Алжире на рубеже XIX–XX вв. М., 1985. 187 с. ; Иванов Н.А. Кризис французского протектората в Тунисе. М., 1971. 397 с. ; Ланда Р.Г. Борьба алжирского народа против европейской колонизации. М., 1976. 306 с.
2. Greenhow R. Barbary states. Richmond, 1835. 80 p.
3. Aissaoui R., Eldridge C. Algeria Revisited: History, Culture and Identity. London, 2018. 280 p.
4. Roberts S.H. The History of French Colonial Policy, 1870–1925. London, 2019. 758 p.
5. Bancel N., Blanchard P., Thomas D. The Colonial Legacy in France. Bloomington, 2017. 500 p.
6. Laurie G.B. French conquest of Algeria. Uckfield, 2005. 217 p.
7. Boucher Philip P. Shaping of the French colonial empire. London, 2018. 224 p.
8. Soumille P. Européens de Tunisie et questions religieuses (1892–1901). Paris, 1975. 264 p.
9. Abun-Nasr J.M. A History of the Maghrib. Cambridge, 1975. 455 p.
10. Leonard D.W. Anthropology, Colonial Policy and the Decline of French Empire in Africa. London, 2019. 248 p.
11. История Алжира в новое и новейшее время. М., 1992. 378 с.
12. Christelow A. Muslim law courts and the French colonial state in Algeria. New York, 2016. 336 p.

Редактор: Шейхетова Ирина Александровна
Переводчик: Мельников Евгений Вячеславович